

Владимир Шербинин

г. Ленинск-Кузнецкий

Где старики приклеили улыбки
На губы, что привыкли букву «я»
Произносить, как «мы», без многоточья.
Эй, мудрецы, вы бредите словами,
Расплавив мысли в синие чернила,
И я пускаю пузыри воображенья
В потоки книг, смывающих сознание.
Свободен! Я один и нет второго.
Лечу на крыльях головы безумной!..
И пусть твердят, что люди те же рыбы, –
Я сбросил жабры в материнском чреве.

Мудрецы, указуя перстом
В направлении мнимого света,
Рассуждают об этом, о том,
Только жизнь и ни то, и ни это.
В книге истина. Истин не счесть!
Глупость скажет в угоду поэту:
В этом что-то правдивое есть...
Есть, ответит, а думает – нету...
Птица бьётся, не видя, в стекло.
Мы об мир бьёмся. Или, до срока –
Тело здесь, а душа далеко.
Всё течёт. Мы течём, что вода,
И, как дети, узревшие чудо,
Улыбаясь, несёмся в «туда»,
Словно кто возвращался оттуда.
Всё не так! Всё не там! Всё в огне!
Я же занят нелепой игрою,
Потому-то прижился во мне
Тот, который был выдуман мною.

Бегущим крысам – бабочку на шею
Из белых клавиш третьего рояля:
Из двух разбитых я построю лодку
И уплыву на острова безумства.
Прощайте, лошади, жрецы и дети,
Притворщик Гамлет и хранитель мумий,
Сыграй, звонарь, прелюдию к покою!
И разрыдается Пьеро в колпак колодца...
Я – шут! Мой балаган в домах свиданий,

Сальто Анхель

Луна на небе эполетом,
Как аксельбант, висячий мост,
И водопад мерцает светом
В нём вечно падающих звёзд.
И время поминутно тонет,
На перекатах мерный хрип,
Я черпаю туман в ладони
С чешуйками незримых рыб.
И кто-то плачет одиноко,
Быть может, на моей звезде,
И херувим портрет пророка
Мечом рисует на воде.

Любовь моя – не вздохи при луне,
Не песни Леля, вкрадчиво обманны,
Не свадебным портретом на стене
В насмешку для гостей всегда незваных.
Любовь моя – не сладостный родник,
Мурлыкающий в зарослях осота,
И не оконный обветшалый лик,
С которого слетела позолота.
Моя любовь – пустыня декабря! –
Где подозренье шарит по пространству,
И грех играет роль поводыря
Ослепшему в метели постоянству.